

Нургали Кадиша Рустембеккызы

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Казахстан, 010008, Астана, ул. Сатпаева, 2
<https://orcid.org/0000-0002-8178-2782>
nurgalik1@mail.ru

Бейсенова Жайнагуль Сабитовна

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Казахстан, 010008, Астана, ул. Сатпаева, 2
<https://orcid.org/0000-0001-7022-4956>
zhaina_b@mail.ru

Нургали Рабига Рымгаликызы

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Казахстан, 010008, Астана, ул. Сатпаева, 2
<https://orcid.org/0000-0001-8929-9499>
nurgalir_999@mail.ru

Казахстанская детская литература в контексте мировой: опыт «дальнего чтения»*

Для цитирования: Нургали К. Р., Бейсенова Ж. С., Нургали Р. Р. Казахстанская детская литература в контексте мировой: опыт «дальнего чтения». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (3): 741–762. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.313>

В статье с опорой на предложенную Ф. Моретти методологию «дальнего чтения» представлен первый опыт осмысления казахстанской детской литературы из перспективы литературы мировой. Актуальность поставленной проблемы связана как с растущим интересом к феномену детской литературы, «захватывающей» в настоящее время в том числе области, прежде относимые к литературе «взрослой» (New Young Adult Literature), так и с реконцептуализацией самого понятия «мировая литература» на фоне появления альтернативных терминов, таких как Global Literature (термин Г. Ч. Спивак), и в контексте позднейшего переосмысления феномена «литература народов СССР», изначально понимаемого М. Горьким как своеобразное воплощение его концепции «всемирной литературы». Выделив три этапа развития казахстанской детской литературы, авторы статьи обнаруживают в каждом из них в качестве культурного национально-го «кода, наделенного собственной имплицитной систематичностью» (М. Эспань), стабильный набор признаков: во-первых, репрезентацию в текстах специфических черт национального ландшафта и особенно фауны, во-вторых, ориентацию на национальный фольклор и, в-третьих, двуязычие. Последнее обеспечивает казахстанской детской литературе уже на ранних этапах ее развития интенсивный обмен с литерату-

---

* Статья подготовлена в рамках проекта «Детская литература Казахстана в контексте мировой словесности как основа национального самосознания» при поддержке гранта ГФ (AP14870429) по научным и научно-техническим проектам на 2022–2024 гг. Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

рой русской и, благодаря посредничеству русских переводов, активный литературный трансфер по линии Запад — Восток. Методология «дальнего чтения» позволяет, отвлекаясь от погружения в детали, выделить на каждом из трех этапов развития казахстанской детской литературы авторские имена, в наибольшей мере отвечающие за ее прикреплённость к литературе мировой — по линии тематики, проблематики, жанровых особенностей, осознанно используемых аллюзий на мировую литературную классику. Такими именами оказываются для XIX в. Абай Кунанбаев и Ибрай Алтынсарин, для XX в. — Бердибек Сокпакбаев и Максим Зверев, для XXI в. — Джан Амани, Лилия Калаус и Зира Наурызбаева.

Ключевые слова: казахстанская детская литература, мировая литература, дальнее чтение, культурный трансфер.

Введение

Импульсом для настоящей статьи стали результаты исследования актуальной проблематики детской литературы, предпринятого в рамках грантового проекта «Детская литература Казахстана в контексте мировой словесности как основа национального самосознания».

Дефицит обобщающих исследований о детской литературе Казахстана¹, особенно бросающийся в глаза перед лицом современных компендиумов, посвященных, например, британской, немецкой, русской детской литературе [Beauvais, Nikolajeva 2017; Kurwinkel, Schmerheim 2020; Хеллман 2016], предопределяет научную новизну настоящего исследования. Его актуальность связана в конкретно-национальном изводе с двумя важными государственными инициативами: объявлением 2021 года в Казахстане Годом детской литературы, а 2022-го — Годом детей и соответствующим существенным увеличением книжной продукции для детей как государственными, так и коммерческими издательствами. В частности, только в течение 2021 г. «в рамках государственных программ была издана сотня книг с образцами мирового и казахского наследия, адресованного детям» [Ахметова 2022: 396]. В течение последних двух-трех лет в Казахстане вышли «Антология детской литературы» под редакцией известного поэта Байботы Кошим-Нога, а также «Антология детской поэзии» и «Антология детских рассказов» [Ахметова 2022: 396]. Казахстанский раздел занимает достойное место в томе «Детская литература» антологии «Современная литература стран СНГ», вышедшей в 2022 г. Таким образом, существенное приращение детской литературной продукции в Казахстане и рост ее популярности в последние годы делают обобщающее исследование о данном предмете тем более насущным.

В проекции на интернациональный литературный процесс обращение к феномену казахстанской детской литературы сквозь призму литературы мировой обладает дополнительной актуальностью, новизной и проблемностью. В вышедшем в 1995 г. под редакцией М. Николаевой обобщающем сборнике, посвященном проблемам истории детской литературы, вопрос о национальном или интернациональном ее статусе называется вторым по значимости после вопроса о разделении историй «детской» и «взрослой» литератур: «Одинаково ли она (детская литерату-

---

¹ Если не считать краткой обзорной статьи в Национальной энциклопедии Казахстана [Казахская детская литература: 24–25], на настоящий момент отсутствуют исследования, рефлектирующие феномен казахстанской детской литературы как таковой.

ра. — К. Н., Ж. Б., Р. Н.) развивается в разных странах, или национальные условия влияют на возникновение и доминирование тех или иных тем, жанров и взглядов?» [Nikolajeva 1995: X]. Еще за 70 лет до Николаевой известный французский компаративист П. Азар, задаваясь близким вопросом, а именно насколько интернациональна детская литература и возможно ли говорить о «мировой детской литературе», — отвечал на него исключительно положительно. С точки зрения Азара, интернациональная структура «мировой детской литературы» задается сетью оригинальных и переводных классических книг-образчиков детского чтения², большинство из которых связано друг с другом отношениями интертекстуальной преемственности [Hazard 1967: 5]. К сожалению, импульсы Азара и Николаевой, считавших перспективным рассмотрение детской литературы в контексте мировой, не нашли развития впоследствии. В рамках развернувшейся именно в 1990-е гг. на волне постколониальных исследований дискуссии о «новой мировой литературе» (New World Literature), канон которой предполагалось строить с учетом всего мирового контекста, а не в узких рамках западноевропейско-североамериканских паттернов, детская литература была «полностью проигнорирована»³ [Kümmerling-Meibauer 2020: 40]. Как следствие, несмотря на авторитетность самой категории «мировая литература», изучение в ее свете детской литературы «не играет в современных исследованиях хоть сколько-нибудь значимой роли» [Kümmerling-Meitbauer 2020: 40]. Обозначенная кажущаяся «неактуальность» заявленного нами подхода оборачивается, впрочем, его обостренной актуальностью и даже неизбежностью, если вспомнить известные рассуждения Ф. Моретти:

Главная идея в том, что для изучения мировой литературы... нет иного оправдания, кроме этого: быть... постоянным интеллектуальным вызовом для изучения национальных литератур — особенно литератур небольших [Моретти 2016: 102–103].

В качестве «небольшой» (речь в данном случае не идет о ранге, но исключительно о градусе включенности в мировой литературный контекст) литературы казахстанская детская художественная словесность с необходимостью должна быть поставлена в контекст мировой литературы, чтобы осознать себя на литературной карте как самостоятельный феномен с собственным контуром и набором конститутивных признаков. Прочерчивание такого контура и артикулирование данных признаков выступает целью настоящей статьи. В качестве одной из ее задач необходимо назвать выделение этапов становления казахстанской детской литературы с акцентированием элементов их преемственности, в особенности в связи с актуальной ступенью развития детской литературы Казахстана. Отдельной задачей видится последовательность в применении к феноменам детской литературы Казахстана оптики «дальнего чтения», обеспечивающей восприятие объекта изучения с максимально «дальней» точки зрения — точки зрения мировой литературы.

---

² Отдавая себе отчет в том, что термин «детское чтение» имеет несколько более широкие границы, нежели «детская литература» [Сигов 2022: 8], мы употребляем в рамках данного исследования оба выражения как синонимические.

³ Здесь и далее, кроме отдельно оговоренных случаев, перевод авторов настоящей статьи.

Терминология, методология, гипотеза

Оперируя термином «детская литература», мы считаем необходимым определить его объем и содержание, которое оказывается близким к традиционным интернационально принятым *Children's Literature* (англ.), *Littérature d'enfance* (фр.) или *Kinderliteratur* (нем.). Данный термин в нашем словоупотреблении включает в себя по умолчанию также юношескую литературу, выступая в том числе и за популярные «расширительные» обозначения, такие как «детская и юношеская литература» («литература для детей и юношества»), *Children's and Young Adult Literature* (англ.), *Littérature d'enfance et de jeunesse* (фр.) или *Kinder- und Jugendliteratur* (нем.). Если данный набор терминов соотносится с возрастной границей детского читателя примерно в 18 лет, то появившийся не так давно термин *New Young Adult Literature* включает в сферу охвата детской литературы также «переходный» возраст от 18 до 25 лет, что представляется убедительным, особенно применительно к текстам XXI в. [Pattee 2017: 219].

В ряде авторитетных обзорных источников по детской литературе сильна тенденция воспринимать данное явление под знаком «crossover», стирая, наряду с границей между детской и взрослой литературами, также и медийные разграничения. Ср., например, Т. Курвинкеля и Ф. Шмерхайма, издателей немецкоязычного «Справочника по детской и юношеской литературе», для которых понятие «детская литература» не ограничивается художественными литературными текстами на бумажных или электронных носителях, но включает в себя также фильмы, комиксы, теле- и радиопередачи и компьютерные игры для детей [Kurwinkel, Schmerheim 2020: 9–12]. В рамках данной статьи мы предпочитаем придерживаться традиционного объема и наполнения понятия «литература» как имеющего текстовое выражение, независимо от его устного (жанры фольклора), печатного (книги, журналы) или электронного (электронные книги, тексты, представленные на сайтах и порталах) извода. В пользу такого выбора свидетельствуют, например, недавние соцопросы, посвященные изучению досуговых практик детей, в контексте которых чтение, не смешиваясь с просмотром фильмов или игрой в компьютерные игры, сохраняет собственную автономию, причем для младших школьников это по-прежнему преимущественно чтение «бумажных» книг [Чудинова, Колосова 2023: 12].

Важно отметить, что собственно герменевтический анализ текстов казахстанской детской литературы не входит, за редким исключением, в задачи настоящей — обзорной — статьи, главной методологической опорой которой выступает предложенный Моретти метод «дальнего чтения» (*distant reading*). Данный метод, в противоположность «пристальному чтению» (*close reading*), типичному для взгляда «изнутри» национальной литературы, ученый считает неотъемлемым при рассмотрении явлений в контексте литературы мировой:

Дальнее чтение, для которого расстояние... не является условием получения знаний, дает возможность сосредоточиться на единицах, намного больших или намного меньших, чем текст: приемах, темах, тропах или же жанрах и системах [Моретти 2016: 83–84].

Отмечая продуктивность подхода к детской литературе с точки зрения «дальнего чтения», британский исследователь Э. Джидденс отдельно указывает на откры-

вающуюся при подобной оптике возможность «скоординировать» рассмотрение детских текстов с общими параметрами «более широко понимаемой литературной науки» [Giddens 2017: 306], что облегчает обращение к аспектам изучения топики, сюжетики и жанровых особенностей, показательным для теоретической и исторической поэтики в целом. Таким образом, в разговоре о детской литературе как феномене литературы мировой оказывается возможным опереться на предложенные Моретти две главные метафоры мировой литературной морфологии: «дерево» и «волна», — описывающие, соответственно, эволюционное развитие отдельной национальной литературы внутри себя самой и механику «внешних влияний» на нее: «Дерево описывает переход от единства к многообразию: одно дерево, много ветвей... Волна описывает противоположное — то, как единообразие поглощает изначальную разнородность» [Моретти 2016: 99–100].

При всей обаятельности и точности метафоры «волны» необходимо внести уточнение в понимание ситуации внешнего влияния, отметив давно признанный компаративистикой — ср. идею «встречного течения» (А. Н. Веселовский) — активный статус «принимающей» культуры. Именно на преобразующей активности принимающего культурного пространства настаивает М. Эспань в предложенной им методологии культурного трансфера:

Понятие трансфера, безусловно, подразумевает динамику импорта-экспорта культурных благ, будь они материальными или имеющими отношение лишь к мыслительной деятельности. Но решающим моментом здесь является проблема реинтерпретации, связанная с перемещением в пространстве и во времени [Эспань 2018: 736].

Интенсивность и культурная масштабность подобной «реинтерпретации» очевидно зависит от способности принимающего культурного пространства «к организации объектов знания в соответствии с кодом, наделенным собственной имплицитной систематичностью» [Эспань 2018: 72].

В проекции на детскую литературу особую значимость приобретает в данном контексте категория «материальности». Предисловие к Эдинбургскому компендиуму по детской литературе 2017 г. его составители К. Бовуа и Николаева начинают именно с проблемы «материальности» самой «встречи» во времени и пространстве двух первичных констант детской литературы — ребенка и книги:

Взрослый, который написал книгу и произвел на свет ребенка, свел их вместе так, что это показалось ему уместным. Взрослый изучал ребенка, читающего книгу, и изучал книгу, которую читал ребенок. И ребенок, и книга, конечно, были сплошным материалом, но ни про одного, ни про другого нельзя было сказать, что это просто материал. Их встречи, как и многие другие человеческие начинания, способствовали размыванию границ между естественным и культурным; ребенок в детской литературе и через нее всегда существовал, по изящному выражению Дэвида Радда, «между конструируемым и конструктивным» [‘between the constructed and the constructive’] [Beauvais, Nikolajeva 2017: 1].

Аспект исходной «материальности» как «конструктивного» начала традиции детской литературы и самого условия ее зарождения и существования видится нам как набор неотчуждаемых качеств национальной культуры (как материальной,

так и духовной, «национального кода»), способных обеспечивать продуктивную «связку» «ребенка и книги» в создании, распространении и рецепции литературной продукции для детей. На постоянство и константный характер данного кода — на природном и культурном уровне — обращает внимание этнограф и лингвист В. В. Радлов, одним из первых подробно описавший природу, быт и язык казахов:

Как широкая степь везде сохраняет один и тот же характер, не представляя ни малейшей перемены, как она тянется по голым безлесным холмам и покрыта однообразной лесной травой, которую лишь изредка прерывает низкий кустарник, так и жители этой степи выказывают однообразие в нравах и языке, почти непостижимое при далеком распространении племени, и представляют собою верное отражение обитаемой ими страны [Радлов 1870: XIV].

На основании вышесказанного представляется возможным выдвинуть гипотезу, в соответствии с которой для детской литературной традиции Казахстана продуктивным «кодом, наделенным собственной имплицитной систематичностью», выступают несколько константных моментов. Это, во-первых, ландшафт, преимущественно степной и горный (в юго-западной части) с присущими ему на антропологическом уровне элементами традиционной кочевой и оседлой бытовой культуры и ставший в XX в. проекцией многих авангардных экспериментов: освоение целинных земель, космодром Байконур как площадка «прорыва» человека в космос, Семипалатинский испытательный полигон. Легко семиотизируемые на уровне текстов для детей традиционные и «авангардные» эффекты ландшафта и связанной с ним кочевой жизни в тесном симбиозе с животными, как домашними, так и дикими, обеспечивают исходную «первичную» материальность казахстанской детской литературы. Во-вторых, переводя разговор на уровень исторической поэтики, отметим в качестве важного конструктивного фактора богатейшее фольклорное наследие, сущностно тесно связанное с ландшафтом («Какой бы стороны поэзии ни коснулись: эпической или лирической, или прозы, — вы сразу же заметите, что они носят на себе особый, присущий только кочевому народу характер, особенности, колорит» [Казахская народная поэзия: 20]), отличающееся небывалым разнообразием жанров и испокон веков соединяющее три ключевых элемента литературы для детей: дидактический, информационный и эстетический. Таковы, например, пословицы и поговорки — древнейшие жанры казахского устного народного творчества: «... в них выражаются знания казахов об окружающем мире и бытовой жизни, дается краткий и выразительный итог многолетних, иногда и многовековых наблюдений» [Байтурсынов 1991: 9]. Дидактический элемент традиционно силен также в импровизационных толгау (поэтических рассуждениях), исполнявшихся народными певцами жырау и акынами [Смирнова 1988: 487]. Наконец, в-третьих, конструктивным «материальным» элементом казахстанской детской литературы выступает ее актуальное двуязычие: детская литература существует на обоих распространенных в стране языках: казахском и русском, подобно «двум струнам одной домбры» [Бельгер 2007: 214].

В дальнейшем мы, имея в виду перспективу мировой литературы, предполагаем проследить функционирование выделенных трех конструктивных факторов на трех этапах развития казахстанской детской литературы, обозначив в качестве отдельных периодов XIX, XX и XXI вв.

Детская литература Казахстана в XIX в.

Начала детской литературы в Казахстане совпадают с установлением письменной литературной традиции, которая создается и упрочивается в творчестве классика казахстанской литературы Абая Кунанбаева (1845–1904) — поэта, философа, музыканта, реформатора национальной культуры в контексте сближения ее с культурой русской, восточной и европейской. Великолепный знаток национальной устной поэтической традиции, Абай владел как восточными (арабский, персидский), так и русским языком, при посредничестве которого (через русские переводы) приобщился к западноевропейской литературе и перевел на казахский язык, кроме произведений русских классиков А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, также стихи И. В. Гёте и Г. Гейне. Один из его признанных лирических шедевров — перевод на казахский язык «Ночной песни странника» Гёте, сделанный на основе лермонтовского перевода («Горные вершины...», 1840). Масштабность фигуры Абая-переводчика как посредника между литературным Западом и Востоком определяется той интенсивностью, с которой он, активно созидавая национальное поле казахской письменной литературы, одновременно раскрывает его навстречу иностранным влияниям, усматривая в них не заимствование «чужого», но шанс обогащения и приращения «своего».

Именно на линии конституирования «своего» посредством усвоения «чужого» лежит вклад Абая в создание казахстанской детской литературы. По Эспаню, успех в усвоении «импортированного» литературного элемента зависит «от принимающего контекста, от характера того применения, которое оно находит в новом контексте с его разнонаправленными полями и, наконец, от последствий того влияния, которое оно оказывает» [Эспань 2018: 737]. Тонко чувствуя потребности и «культурный запрос» принимающего контекста, Абай переводит на казахский язык, в адаптированном варианте, русские сказки (или, точнее, создает на данной основе казахские сказки), такие как: «Казах батыр», «Алтын Айдар», «Тазша бала», «Звериная ссора» («Ссора зверей» или «Звери в яме»). Последняя сказка, как и перевод басен Крылова — в силу упомянутой выше традиционной значимости темы животных для культуры Казахстана, — закладывает ключевой камень в фундамент казахстанской детской литературы.

Внимание к жанрам сказки и басни, как и открытость по отношению как к западным, так и восточным влияниям демонстрирует и выдающийся казахский просветитель-педагог и ученый-востоковед Ибрай Алтынсарин (1841–1889), издавший в 1879 г. первую книгу для детского и народного чтения на казахском языке — «Казахскую хрестоматию». В предисловии к данному изданию присутствует апелляция к национальному культурному сознанию читателя-ребенка: «...долг каждого из нас — принести посильную лепту на пользу своей Родины» [Алтынсарин 1879: IV]. И первый раздел хрестоматии содержит в основном национальный материал: отрывки из лучших образцов казахской народной литературы для детей, рассказывающих об условиях жизни в степи, о почитании народом животного мира. В частности, отмечается, что наиболее важными в экономическом укладе казахастепняка, соответственно наиболее ценными в казахской мифологии (здесь наблюдаем принципиальную конструктивную смычку природы и культуры), выступают четыре вида животных: лошадь, верблюд, корова и овца. Присутствуют здесь

как короткие рассказы из казахского быта, так и оригинальные казахские загадки, сказки и пословицы. Именно данные рассказы Алтынсарина для детей на бытовые темы возможно обозначить в качестве точки отсчета — первоначала авторской казахстанской детской литературы, датой рождения которой выступит соответственно 1879 год — год выхода в свет «Казахской хрестоматии». Далее в книге следуют тексты для детей Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского, В. И. Даля и басни Крылова в собственном переводе Алтынсарина. Последний, следуя образцам почитаемых им Ушинского и Толстого, художественно обработал и адаптировал известные восточные и русские народные сказки («Визирь Абдул», «Царь и рубашка», «Петр I и мужик», «Садовник и сыновья» и др.).

В наследии обоих выдающихся казахских просветителей — Абая и Алтынсарина — переводы и адаптации народных русских и восточных сказок о животных и басен Крылова, в которых также действующими лицами выступают преимущественно животные, играют особенно важную роль. Известна рекомендация В. Г. Белинским для русского круга детского чтения басен Крылова как отмеченных «печатью русского ума и опыта» [Белинский 1954: 151]. Адаптируя крыловские басни для казахского детского литературного узуса, Абай и Алтынсарин «реинтерпретируют» исходный материал, ориентируясь на собственный национальный контекст, в рамках которого животные как феномен и общение ребенка с ними обладают особенной, усиленной значимостью. Тем самым «отправной» крыловский материал (несущий в себе, между прочим, следы влияния французского баснописца Ж. Лафонтена, а также всей богатой европейской басенной традиции) в адаптации для детей существенно потенцируется, получая дополнительно «печать» также и казахского «ума и опыта».

Линия басенной традиции становится с тех самых пор в казахстанской детской литературе одной из базовых [Асавбаева 2000: 3–5]: басни Крылова в настоящее время введены в список казахстанской школьной программы по литературе и рекомендованы для внеклассного чтения в начальной и средней школе. Традиция казахстанской басни продолжается, например, современным автором Нурланом Калкой (р. 1967), пишущим оригинальные басни для детей: «Трясогузка и воробей», «Кукушкина хитрость» и др. [Современная литература: 507].

Национальная адаптация народных и литературных сказочных сюжетов — типичный механизм бытования того, что можно назвать мировой детской литературой. Достаточно вспомнить, например, об адаптированной в России С. В. Михалковым английской народной сказке «Три поросенка» [Межова, Син 2020: 92–96] или превращение итальянской сказки К. Коллоди «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы» (1883) под пером А. Н. Толстого в образцовую русскую сказку для детей «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1936) (существует также в казахском переводе). Адаптируясь в казахстанском контексте, известные сказочные сюжеты обнаруживают подчас особенно высокую степень «трансформации» и интенсивность «реинтерпретации», что возможно продемонстрировать на примере сказки «Колобок» из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» (1870).

На казахском языке сказка, созданная по мотивам русского «Колобка», известна под заглавием «Бауырсақ» — по названию традиционного мучного изделия казахской кухни. В развитие действия казахской сказки вносятся иные мотивировки:

акцент делается не на опасном непослушании, хвастливости и самонадеянности, но на смекалке и коммуникабельности Бауырсака. Так, Бауырсак предлагает лисе (по пути к нему присоединяются также заяц, волк и медведь) пойти в гости к его бабушке и дедушке и угоститься любимыми лакомствами. Заяц угощается капустой, лиса и волк — мясом, медведю достается пирог с малиной, а Бауырсак перед окошком продолжает петь свою веселую песню [Колобок].

Как видим, трансформация и очевидное усложнение героя и сюжета сказки происходят под влиянием местных казахских реалий: бауырсак как исключительно популярный в Казахстане тип кулинарного изделия обладает на местном уровне гораздо большей аутентичностью, узнаваемостью и конкретностью, нежели «колобок». Далее, встречаемые «звери» не выстраиваются в ряд по архаическому принципу сказочной сюжетной кумулятивности, но выказывают способность и добрую волю к объединению в группу, в контексте которой (в финале сказки) у них появляется возможность (и это важный информативный момент для детского чтения) продемонстрировать собственные алиментарные предпочтения: в итоге получается, что для каждого из них более вкусной представляется другая, подходящая ему еда, а не мучной бауырсак.

XX в.: советская детская литература Казахстана

В XX в. развитие детской литературы в Казахстане во многом определялось тем обстоятельством, что она существовала в контексте многонациональной советской детской литературы [Лупанова 1969; Нугыбаева 1984]. (Если быть точными, данный период начинается позже — после 1917 г.) Концепция многонациональности литературы СССР, активно продвигаемая М. Горьким, выступала, как известно, продолжением и развитием его представления о мировой (всемирной) литературе, которая сложилась в пору существования издательства «Всемирная литература» (1918–1923), основанного и руководимого Горьким [Франк 2019: 231–232]. Для детской литературы Казахстана подобное централизованное «подключение» к концепту «всемирности» означало в первую очередь институциональное продвижение и структурализацию в организационном и издательском плане по образцу русскоязычной советской детской литературы и, во-вторых, интенсификацию тенденций культурного трансфера в первую очередь из России (а также из других союзных республик), наметившихся в предыдущем периоде.

В середине 1920-х гг. начинает выходить первая казахская газета для детей и юношества «Молодой труженик» (в дальнейшем — «Молодой ленинец»; в постсоветский период — «Молодой Алаш»), публиковавшая материалы, адресованные школьникам, в том числе поэзию и прозу казахских писателей и поэтов. (В дальнейшем в течение советского периода на казахском и русском языках выходит еще несколько периодических изданий для детей, некоторые из которых, например «Знание и труд» (с 1989 г. — «Зерде»), существуют до сих пор.) Литературный трансфер начинает работать и в обратную сторону: произведения казахских литераторов в русском переводе публикуются в московском детском журнале «Пионер», становясь тем самым доступными для читателей из других союзных республик. Возникает аутентичный жанр казахской книжки-картинки: «Курт», «Лапти» (1920), «Загадка» (1930). Что принципиально важно, уже в первые годы советской власти

в научно-педагогических работах казахских ученых А. Байтурсынова, М. Дулатова, М. Ауэзова научно рефлексирован сам вопрос литературы для детей. На практике этот процесс закрепляется, например, в сборнике «Детям», изданном в 1926 г., где образцы народной поэзии для детей оказываются оформленными «адресно».

Разработка в казахстанской науке и издательской практике темы национального фольклора, типичная для 1920-х гг., обогащает одновременно нишу детской литературы. Например, Байтурсынов, включая в свой учебник «Введение в литературу» (1926) обширную главу о малых фольклорных жанрах, таких как небылицы, загадки, скороговорки, колыбельные [Байтурсынов 1926: 208–235], акцентирует их значимость именно для детского чтения. В свою очередь, в изданной двумя годами раньше книге Х. Досмухамедова «Казахская народная литература» (1924) отмечается важность для детского чтения фольклорных текстов, имеющих своим содержанием животный и растительный мир Казахстана [Досмухамедов 1998: 325–345].

Профиль «детская литература» институционально закрепляется в профессиональной писательской организации — Союзе писателей Казахстана — в 1934 г., позже создается Совет по детской и юношеской литературе при Союзе писателей Казахстана. Возникает Совет по детской литературе при Государственном комитете издательства КазССР, появляются первые общественные группы педагогов-экспертов по детской литературе. Данные тенденции закрепляются и развиваются во второй половине 1930-х и в 1940-е гг. В 1935 г. выходят лирические сборники классика казахской детской литературы У. Турманжанова [Турманжанов 1935], который, будучи переводчиком на казахский язык произведений Пушкина и Лермонтова, продолжает тем самым линию Абая. Турманжановым позже был составлен сборник, включающий 4 000 казахских поговорок и пословиц [Турманжанов 1957]. В 1930-е гг. происходит становление национальной детской драматургии. В 1940-х гг. широкое распространение получают детские стихотворения для декламации, написанные такими авторами, как К. Аманжолов, А. Тажибаев. В 1950-е гг. появляются казахстанские детские произведения сатирической и юмористической направленности.

Не вдаваясь в подробности богатой, не написанной пока истории советской казахстанской детской литературы, выделим из большого количества текстов для детей и юношества (на каждые 100 книг, издаваемых в республике в советский период, приходилось 12 детских) лишь два примера, наиболее ярко обнаруживающих как свою «конструктивную» аутентичность в принадлежности к казахстанскому контексту, так и релевантность по части мировой литературы.

Первый из них — повесть Бердибека Сокпакбаева (1924–1991) «Меня зовут Кожá» («Менің атым Қожа», 1957), впервые опубликованная на русском языке в издательстве «Детская литература» в 1958 г. и позже, с русского варианта, переведенная на несколько десятков языков — подлинная классика не только казахской и советской, но и мировой детской литературы. Имея в виду достаточную изученность данного произведения (см.: [Нургали, Нурманова 2023]), попытаемся взглянуть на него как на составную часть одновременно казахстанского и мирового литературного контекста.

Сюжет повести представляет собой череду приключений (а подчас и злоключений) главного героя — 12-летнего казахского школьника Кожабатыра Кадырова, который, ведомый собственной неумемной энергией и под влиянием старшего

мальчика по кличке Султан, совершает ряд шалостей и откровенно хулиганских поступков, в которых впоследствии раскаивается (осуждение «коллектива» в виде класса имеет при этом решающее значение), приняв в итоге решение начать «новую жизнь». Произведение, с одной стороны, обнаруживает аутентичную связь с казахстанским контекстом, что проявляется не только в реалиях ландшафта в его «степном» и «горном» вариантах и в деталях бытовой жизни, таких как еда (лагман, баурсак, кумыс), одежда (чапан, тубетейка), связь с животным миром (12-летние школьники умеют профессионально обращаться с лошадьми, являются прекрасными наездниками), но также в очевидных отсылках к фольклору тюркоязычных народов (похождения ходжи Насреддина) и конкретно казахскому (анекдоты о Кожабегене). (О казахской национальной основе повести см.: [Нурғали, Нурманова 2023: 238].)

В то же время — и это принципиальный момент для нашего подхода, имеющего в виду взгляд с точки зрения мировой литературы — «Меня зовут Кожá» в самой своей повествовательной структуре и поэтике восходит к базовым основам интернациональной литературной традиции, вписываясь в парадигму плутовского романа, одним из ярких проявлений которой в литературе для детей и юношества стали «Приключения Гекльберри Финна» (1884) М. Твена. Именованная талантливая повесть Сокпакбаева «казахским Гекльберри Финном» стало расхожим клише, однако подробного сопоставительного анализа двух произведений до сих пор не проводилось. Не входит подобный анализ и в задачи настоящей статьи. Отметим тем не менее три ключевых момента, соединяющих поэтику данного текста с контекстом литературы мировой. Это, во-первых, типичный для пикарески сюжет, построенный на «нанизывании» отдельных эпизодов (приключений) из жизни плута (Кожы). Во-вторых, ведение повествования от первого лица, показательное для большинства образчиков плутовского романа от «Жизни Ласарильо с Тормеса...» до «Путешествия на край ночи» и «Жестяного барабана» (см.: [Пинский 2002]). И, наконец, важен очевидный и рефлексированный момент автофикциональности (первое название произведения — «Повесть обо мне») как качества, особенно востребованного в мировой современной прозе: герой-повествователь — начинающий поэт, стихи которого до сих пор не были приняты ни одним издательством ни в Казахстане, ни в Москве. Чтобы компенсировать свою неудачу на поэтическом поприще, Кожа принимается за прозу, строя повествование о собственной жизни, как она есть, и сам этот рассказ, разворачивающийся на глазах у читателя, обретает двойной смысл: неудачи и промахи героя-плута становятся на уровне прирастающего текста удачей становящегося героя-автора. С данной точки зрения детская приключенческая повесть с юмористическими элементами оборачивается взрослым автофикциональным повествованием о рождении профессионального писателя — Бердибека Сокпакбаева.

Интересна судьба «пикареской» линии повести. Успешная, в том числе в плане международного признания, ее экранизация («Казахфильм», 1963, диплом Международного кинофестиваля детских и юношеских фильмов в Каннах — 1967) вдохновила исполнителя главной роли, впоследствии кинорежиссера и писателя Нурлана Санжарулы Санжара (р. 1951) на собственное литературное творчество в похожем жанре [Нурғали, Нурманова 2023]: к плутовскому сюжету имеет отношение его успешная детская повесть «Ангелочек» (1997) о приключениях на пост-

советском пространстве мальчика-сироты, сбежавшего из детского дома в поисках матери.

Если причастность текста Сокпакбаева к феномену мировой детской литературы, подтвержденная значительным количеством его переводов на языки мира, обеспечивается на уровне поэтики как жанровой традицией плутовского романа, так и приемом автофикциональности, то второй наш пример — творчество русскоязычного казахстанского писателя-натуралиста М. Д. Зверева (1896–1996), книги которого также переведены на многие языки, в том числе английский, немецкий и французский, — выбран ввиду актуальности современной дискуссии об «автобиографиях животных» [Иванкива 2023] или «звериных историях» [Тимофеева 2017]. Последние в качестве детских «нарративов о животных» находятся на пике интереса в актуальных исследованиях детской и юношеской литературы. Одной из причин такого интереса З. Жак считает то обстоятельство, что в детской литературе о животных особенно ярко репрезентирован дискурс инаковости, как «общее представление о том, что существуют и иные формы существования» («a shared understanding that there are other ways to be») [Jaques 2017: 52]. «Инакой» формой существования по отношению ко взрослому выступает уже сам ребенок, а связка «ребенок — животное» в детских «звериных историях» эту инаковость удваивает. В свете уже неоднократно упоминавшейся особой значимости животного мира для казахстанской культуры интересно такое удвоение, например, в стихотворении современного поэта Камаханбета Мухаметкали (р. 1975). В четверостишии сопоставляется поведенческий код ребенка-младшеклассника и жеребенка, однако в форме оборачивания метафоры: не ребенок, получивший пятерку, сравнивается с резво скачущим жеребенком, а наоборот [Современная литература: 427].

Именно «инаковость» существования в живой природе многих редких и вымирающих видов, относящихся к ареалу Казахстана, становится в центр повествования в наиболее популярных произведениях зоолога-писателя Зверева: «Белый марал», «Сказки бабушки черепахи», «Кладовая чудес», «Заимка в бору», «Снежный барс», «Волчонок из Бетпак-Далы» и многих других, многократно переиздававшихся в СССР, Казахстане и России. «Казахстанский Бианки», Зверев уже на ранних этапах своего творчества удостоился похвалы М. М. Пришвина и самого В. В. Бианки, считавшего собрата по перу достойным в будущем «занять свое место... в мировой литературе» (цит по: [Жармагамбетов 2016]). Репрезентируя в своих произведениях животный мир Казахстана, писатель основывает собственные истории на реальном опыте наблюдения за животными в живой природе и алма-атинском зоопарке, на общении с лесными обходчиками, егерями и юннатами. Последнее особенно важно: например, наиболее выразительные эпизоды книги о снежном барсе связаны с описанием контакта школьников-юннатов со спасенным и выращенным ими котенком барса [Зверев 1980: 119–132]. При этом Зверев как автор практически отказывается от приема антропоморфизации животных, протагонисты его историй неизбежно предстают в ореоле «дружести», повествовательный фокус редко помещается внутрь сознания самого зверя. Отказываясь тем самым от эффекта «вчувствования» в инаковое сознание — приема, столь типичного для многих текстов о животных, — писатель сознательно не размывает границу «человек — животное». Однако тем более трезвым и насущным становится у него дискурс ответственности человека за животный мир.

Детская литература Казахстана в XXI в.

После обретения Казахстаном независимости в 1991 г. в течение примерно десятилетия сохраняются тенденции, характерные для советской казахстанской детской литературы, соответственно в 1990-е гг. отчетливых содержательных и формальных перемен в текстах для детей еще не наблюдается. «При знакомстве с такими (т. е. вышедшими в 1990-е гг. — К. Н., Ж. Б., Р. Н.) текстами может показаться, что многие сюжеты уже более века являются устойчивыми, однотипными, повторяющимися и порой мало подходящими современному обществу» [Ахметова 2022: 394]. То, что принято называть «новой детской литературой», создается в Казахстане лишь в 2000-е гг., особенно активно с наступлением интенсивной фазы распространения интернета и сетевых связей, начиная с 2010 г.

Эффекты глобализации и «цифровизации» жизни ребенка очевидны в тематике современных казахстанских текстов для детей. Например, упоминавшийся выше детский поэт Нурлан Калка придумывает, наряду с традиционными загадками, также одну про сотовый телефон:

И в городе, и в степи
Может дать весть.
Но иногда надолго
Замолкает без сил (пер. А. Калжанова)
[Современная литература: 507].

А в стихотворении современного детского писателя Есея Женисулы (р. 1978) «Ребенок и смартфон» воспроизведен внутренний монолог «глобализированного» ребенка, досуг которого заполнен игрой Minecraft и просмотром «глобализированных» мультфильмов про «Анджелу и Тома» на YouTube [Современная литература: 475]. У того же автора представлен и более серьезный аспект отношения ребенка и электронного девайса: в стихотворении «Айтолкын грустит» изображается сложное внутреннее состояние девочки-подростка, родители которой развелись, и контакт с отцом возможен для нее теперь только посредством отправки ему сообщения в смартфоне [Современная литература: 474]. Экзистенциальное измерение «медиализации» жизни современного казахстанского подростка видим в повести «Мангелия» Адильбека Ыбырайымулы (р. 1965). Пронзительна сцена, в которой главный герой по имени Жасын, радуясь своему успеху на международном конкурсе, вдруг наталкивается в соцсети на «мертвый» аккаунт подруги, незадолго перед тем погибшей в ДТП:

За короткий миг Жасын успел познакомиться с несколькими участниками и найти их в Facebook*. Вдруг, среди нескольких других, он увидел аккаунт Жаухар. Сердце замерло. Но она была оффлайн. Не выдавая, что творится в душе, Жасын смотрел на новых друзей, улыбаясь... [Современная литература: 424].

Повесть Ыбырайымулы показательна для актуального периода развития казахстанской детской литературы, активно ориентированной на усвоение глобаль-

---

* Продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской в Российской Федерации.

ных парадигм и тенденций: это своеобразная образцовая «модель школьника/ребенка и общества XXI века» [Ахметова 2022: 397]. Главный герой, подросток, обучающийся в одной из лучших школ-лицеев Астаны, — своего рода «идеальный» тип, воплощающий устремленность молодого поколения и всей страны в будущее:

Жасын составил стабильный недельный рабочий график. Помимо ежедневных уроков, в понедельник и четверг он ходит на курсы английского. Во вторник и субботу — спортивная секция. Среду и пятницу посвящает научной работе [Современная литература: 411].

Тема научной работы, кстати, также передовая, она связана с «зеленым переходом» в экономике: именно с этим своим исследованием герой побеждает в Берне на конкурсе научных проектов среди школьников. Отношения Жасына со сверстниками и сам контекст жизни старшекласников явно выстроены по англо-американскому паттерну «университетского (кампусного) романа» (*campus novel* — термин Д. Лоджа): соперничество в учебе, спорте и по части успеха у представителей противоположного пола, имущественное неравенство родителей, общие выборы «президента» и «королевы» школы. Казалось, бы, в «Мангелии» реализовано бесшовное «подключение» к глобализированной мировой жанровой системе.

Тем не менее, внимательно читавшись в текст по методу «дальнего чтения», замечаем, что усвоенные паттерны «кампусного романа» не вполне соприродны повествуемой материи, собственно казахстанским реалиям: слишком очевидны «компромиссы», «неловкость» рассказчика и персонажей — сбой в повествовании, типичные, по Моретти, в случаях первичного, не вполне органического усвоения «восточными» литературами «западных форм»:

«Компромиссы» — не бинарная оппозиция по принципу «западная форма» плюс «местное содержание... это скорее треугольник: иностранные формы, местный материал... и местные формы. Несколько упрощая: иностранный сюжет, местные персонажи и, кроме того, местный повествовательный голос: и именно это третье измерение оказывается наиболее неустойчивым в этих романах — наиболее неловким (*uneasy*) [Моретти 2016: 96].

«Неловкость» сказывается не только в откровенной ходульности «идеально» образа главного героя, но и в целом ряде упоминаемых реалий, относящихся к постсоветскому контексту, в глобальный «кампусный роман» не вполне вписывающихся (общение на русском языке, празднование 8 марта, «Клуб знатоков» в школе, воспоминание одного их отцов о комсомольской юности), в фетишизации английского языка, в «сбое» по части гендерной корректности (ср. тезис одной из учениц — участниц диспута относительно того, что именно девочки должны преимущественно изучать национальный язык, чтобы прививать это знание своим детям [Современная литература: 408]).

«Мангелия» — несомненно продукт глобальной «волны» влияния, пример того, как «единообразие поглощает изначальную разнородность» [Моретти 2016: 100], и потому это менее интересный пример «новой казахстанской детской литературы». Более интересными представляются «комбинированные» варианты внешнего влияния, по типу волны, текущей «сквозь ветви локальных традиций,

которые непременно меняют ее существенным образом» [Моретти 2016: 100]. Приведем, как и для предыдущего периода, два примера.

Хотелось бы отметить, во-первых, сказки Джан Амании (Гулчехры Абдукахаровны Рузыбаевой, р. 1977) из серий «Волшебный мир Данияла», «Обезьяна, которая поет», «Орлица Откыркоз», «Окжетпес» и др. «Волны» мирового влияния здесь — легко считываемые отсылки к сказкам Э.Т.А. Гофмана, Г.Х. Андерсена, А. Шамиссо, Р. Киплинга, В.Ф. Одоевского («Городок в табакерке»), Е.Л. Шварца, В.П. Катаева («Цветик-семицветик») и др., а также сам принцип «серийности», явно отражающий сильнейшую современную тенденцию интернациональной детской литературы [Kümmerling-Meibauer 2017: 137–144]. «Ветви локальных традиций» — это очевидная крепкая связь автора с субстанцией местного ландшафта, национальных реалий и фольклора, в частности с животным миром — «сквозная» отличительная черта казахстанской детской литературы.

В волшебных сказках Джан Амании, таких, например, как «Город в холодильнике» или «Волшебная аптека», нередко сталкиваемся с перечисляемыми рядами чудесных яств, напоминающих одновременно гофмановский Конфетенбург и лавку «Сладкое королевство» из «Гарри Поттера»: «гамбургер с клубникой», «леденцы с курицей», «пельмени с мороженым» [Современная литература: 445]. «Основа» таких кушаний неизменно конкретная, чаще всего она являет собой сочетание «казахского», «советского» и «универсального», ср. «лекарства» из «волшебной аптеки» Данияла: «антигриппин под шубой», «этот баурсак прогоняет страх», «пельмени от лени», «горло болит — скушай бисквит» [Современная литература: 445]. В приведенных кулинарных примерах еда предстает как сочетание несочетаемого: сладкого и соленого (острого, горького). Задействуемая в данном случае фигура оксюморона, частая в текстах Амании⁴, своеобразно представляет за формулу компромисса, продуктивных креативных «комбинаций», в том числе и по части творческого сочетания «локального» и «глобального», отличающего детскую литературу.

Подобное сочетание показательно и для нашего последнего примера — серии детского фэнтези о приключениях Бату и его друзей, ставшей в Казахстане бестселлером. Авторы серии, начавшей выходить на русском языке в 2014 г. («В поисках Золотой чаши»), — Лилия Калаус (р. 1969) и Зира Наурзбаева (р. 1967). В 2019 и 2022 гг. соответственно издаются книги вторая («Приключения Бату и его друзей в стране Барсакелмес») и третья («Приключения Бату и его друзей в звездной стране Айдала»), казахстанское детское читательское сообщество ждет продолжения.

Безусловно, книга Калаус и Наурзбаевой вдохновлена «Гарри Поттером» и творится в семиотике, подобной той, что создана Дж. Роулинг: речь идет о приключениях шести друзей-школьников, оказывающихся благодаря волшебному порталу (кстати, в одном из случаев порталом выступает мелодия, сыгранная на национальном казахском инструменте — домбре) в условном мифологическом прошлом. Собственно, связь с британским шедевром детской литературы в «Приключениях Бату» не вуалируется, но, напротив, обнажается: главные герои — восторженные читатели и почитатели «Гарри Поттера». Так, первая книга начинается со спора воз-

⁴ Ср.: главный герой сказок Амании Даниял мечтает о волшебной дудочке, «которая играла бы такие прекрасные мелодии, что, слушая их, хотелось бы и смеяться, и плакать одновременно» [Современная литература: 447].

вращающихся из школы друзей о том, что лучше — книга или фильм о Гарри Поттере. Во второй книге один из героев, Саша, смущенно признается друзьям, что, живя на прошлых каникулах в «каморке под лестницей» на дедушкиной академической даче под Алматы, «все лето ждал» «письма из Хогвартса» [Калаус, Наурызбаева 2019]. Тут же следует замечание от повествователя: дверца в каморку «больше напоминала вход в хоббитскую нору» [Калаус, Наурызбаева 2019] — намек читателю относительно свободного владения авторами не только книгой Роулинг, но и всем наследием мирового фэнтези, начиная с его отца-основателя — Д. Р. Р. Толкина.

Однако дело не только в широте авторского кругозора. Как известно, стратегическая задача автора фэнтези — художественное обоснование «взаимоперехода» двух миров: «Общая стратегия заключается в том, чтобы соединить фантастический мир... с реальным миром, то есть связать фиктивное... пространство с географическим» [Carroll 2017: 56]. Как в построении фантастического и миметического пространств, так и в художественной «обработке» места их «взаимоперехода» авторы фэнтези о Бату опираются на аутентичную казахстанскую субстанцию (материальность), и в этом главное основание их автономии от текста Роулинг и прочих интернационально значимых претекстов. Так, образы фантастического мира, такие как легендарный царевич массагетов Аспара, мифологические существа Бапы-хан, медведь Шахрух и птица Самрук, Мировое дерево тюркской мифологии Байтерек, строятся в опоре на собственное аутентичное предание — казахское и, шире, такое тюркоязычных народов: недаром один из авторов — Наурызбаева — профессиональный ученый-культуролог, специалист по локальной мифологии и археологии.

Однако и «реальное» пространство современного Казахстана репрезентировано с многочисленными признаками аутентичности: горы, степь, современная урбанность больших городов, «связь с космосом», прочно «обеспеченная» нахождением на казахстанской территории крупнейшего космодрома мира. Современное казахстанское дву- или даже трехязычие (если учесть популярность в сленге подростков английских слов и выражений) означено в диалогах героев, которые, попав во второй книге на полузаброшенную дачу Сашиного дедушки и пребывая в поисках съестного, общаются между собой таким образом:

— Сашка, у тебя на даче припасы есть? — деловито спросил Қайрат. Он, как всегда, был голоден.

— Да, I am hungry, — поддержал его Бату. <...>

— Брәтишке! Сіріңке бар ма? (каз. спички есть? — К. Н., Ж. Б., Р. Н.) Или всё уже потрагил? [Калаус, Наурызбаева 2019].

Подобная же живая аутентичность — на этот раз не казахстанского языкового узуса, но литературной традиции — отличает и воследовавшую сцену коллективного изготовления ужина во дворе дачи:

Через пять минут Кайра поплотнее установил казан с водой на ведре-очаге, в котором вовсю полыхал огонь. Сначала рожки, а потом и тушенка отправились в казан, вскоре там забулькало густое аппетитное варево. Ребята сидели вокруг казана... Тишину нарушал лишь мерный стук ложек [Калаус, Наурызбаева 2019].

Данная ситуация «походного» приготовления на костре и поедания шестерыми школьниками «аппетитного варева» в меньшей мере ассоциируется с англоязычным фэнтези и в гораздо большей — с традицией советской детской литературы, если вспомнить похожие эпизоды из книг А. П. Гайдара, В. А. Осеевой («Васек Трубачев и его товарищи») или Катаева («Белеет парус одинокий»).

Заключение

Подойдя к феномену казахстанской детской литературы с позиции «дальнего чтения» (что, по логике Моретти, аналогично ее рассмотрению в контексте мировой литературы), мы выделили в ее развитии три этапа, соответствующие XIX, XX и XXI вв. Опираясь на рефлексию Бовуа и Николаевой о первичной конструктивной «материальности» детской литературы, мы выдвинули предположение о том, что исходной конструктивной основой казахстанских текстов для детей выступает, во-первых, ландшафт и природный мир Казахстана (в частности и в особенности, в силу его экзистенциальной важности для казахов-кочевников, — животный мир); во-вторых, национальный фольклор и, шире, тюркоязычное предание; и, наконец, в-третьих, — исторически сложившиеся двуязычие, обеспечившее, особенно в XIX и XX вв., активный литературный трансфер субстанций мировой литературы в Казахстан посредством русских переводов. Именно благодаря такому трансферу современные казахстанские авторы, пишущие для детей, свободно обращаются, например, к мировой детской литературной классике (ср. сказки Андерсена вышли на казахском языке лишь в 2021 г., начало выхода серии книг о Гарри Поттере в казахском переводе — 2020 г. [Ахметова 2022: 395]).

Рассматривая развитие казахстанской детской литературы на трех ее этапах, мы всякий раз маркировали существенные моменты прикрепленности ее к мировому литературному контексту, будь то творческая ориентация авторов на мировую детскую литературную классику (Калаус и Наурызбаева, Амании), воспроизведение прототипических форм сюжета и образа героя (Сокпакбаев) или «выход» на актуальную проблематику *animal studies* (Зверев).

Перспективное развитие данной темы возможно, как кажется, в двух вариантах. Во-первых, интересным представляется более подробное рассмотрение рецепции мирового литературного контекста на отдельных этапах развития казахстанской детской литературы (особенно в XX и XXI вв.). Во-вторых, продуктивными видятся отдельные аспекты феномена «казахстанская детская литература», увиденные в перспективе дальнего чтения. Например, отмеченное изобилие казахстанских детских текстов о животных, показательное и для сегодняшнего дня (ср., кроме упомянутых сказок Джан Амании, стихи Куата Адиса, Нурлана Калки и др.), возможно изучать с применением методологии *animal studies*, что с необходимостью будет означать переход от дальнего чтения — к чтению «пристальному».

Источники

- Белинский 1954 — Белинский В. Г. Басни Ивана Крылова. Белинский В. Г. *Полное собрание сочинений*. В 13 т. Т. 4. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. С. 143–152.
Зверев 1980 — Зверев М. Д. *Снежный барс*. Алма-Ата: Кайнар, 1980.

- Калаус, Наурызбаева 2019 — Калаус Л., Наурызбаева З. *Приключения Бату и его друзей в стране Барсакелмес*. http://batu-books.tilda.ws/batu_2_1gl (дата обращения: 15.02.2024).
- Казахская народная поэзия — *Казахская народная поэзия (из образцов, собранных и записанных А. А. Диваевым)*. Смирнова Н. С., Гумарова М. Г., Сильченко М. С., Сыдыков Т. С. (сост.). Алма-Ата: Наука, 1964.
- Колобок — «Колобок» на казахском языке с переводом. *Наследие*. <https://mura-kz.ru/bauysak-ertegi-si-kolobok-na-kazahskom.html> (дата обращения: 15.02.2024).
- Радлов 1870 — Радлов В. В. *Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи*. Ч. 3: Киргизское наречие. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1870. <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/217858/1/UnVQUkxJQjEуMDkxMTMzLlBERg==> (дата обращения: 15.02.2024).
- Современная литература — *Современная литература стран СНГ. Детская литература*: антология. М.: Объедин. гуманит. изд-во, 2022.
- Тимофеева 2017 — Тимофеева О. *История животных*. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Турманжанов 1935 — *Казахстан XV. Литературно-художественный сборник*. Алма-Ата; Москва: Казахстан. краевед. изд-во, 1935.
- Турманжанов 1957 — Турманжанов У. *Пословицы и поговорки казахского народа*. Алма-Ата: Жазушы, 1957.

Словари, справочники и учебные пособия

- Алтынсарин 1879 — Алтынсарин И. *Казахская хрестоматия*. Оренбург: Тип. И. И. Евфимовского-Мировицкого, 1879.
- Байтурсинов 1926 — Байтурсинов А. *Введение в литературу*. Алма-Ата: Атамур, 1926.
- Казахская детская литература — *Казахская детская литература. Казахстан. Национальная энциклопедия*. В 5 т. Т. 3. Алматы: Казахская энциклопедия, 2005. С. 24–25.
- Сигов 2022 — *Детская литература: учебник для вузов*. Сигов В. К. (науч. ред.). М.: Юрайт, 2022.
- Смирнова 1988 — Смирнова Н. С. *Казахская литература*. В кн. *История всемирной литературы*. В 9 т. Т. 5. М.: Наука, 1988. С. 487–489.

Литература

- Асавбаева 2000 — Асавбаева Г. Б. *Басенные традиции в казахской литературе и переводы из И. А. Крылова*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2000.
- Ахметова 2022 — Ахметова А. *Детская литература в период независимости Казахстана: обзор процесса развития и поэтической трансформации*. В кн.: *Современная литература стран СНГ. Детская литература*. Антология. Усачев А. (сост.) М.: Объедин. гуманит. изд-во, 2022. С. 393–399.
- Бельгер 2007 — Бельгер Г. *Две струны одной домбры. Дружба народов*. 2007, (6): 214–215.
- Байтурсинов 1991 — Байтурсинов А. *Ақжол: Өлеңдер мен тәржімалар. Мақалдар және әдеби зерттеу*. Нұрғалиев Р. (кұраст.). Алма-Ата: Жалын, 1991. (На казах. яз.)
- Досмухамедов 1998 — Досмухамедов Х. *Казахская народная литература*. В кн.: Досмухамедов Х. *Избранное*. Алматы: Ана тілі, 1998. С. 325–345.
- Жармагамбетов 2016 — Жармагамбетов Н. *Человек природы. Байтерек. Общественно-политический журнал*. 2016, (16 августа). <https://web.archive.org/web/20160818101953/http://www.baiterek.kz/node/1099> (дата обращения: 15.04.2024).
- Иванкина 2023 — Иванкина М. В. *Зачем читать о животных: к вопросу о становлении жанра автобиографии животного в британской литературе XVIII–XIX вв.* *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023, 20 (3): 495–515. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.30>
- Лупанова 1969 — Лупанова И. *Полвека: советская детская литература 1917–1967: очерки*. М.: Детская литература, 1969.
- Межова, Син 2020 — Межова М. В., Син Е. А. *Анализ ментальности главных героев русских и английских сказок.* *Вестник культуры и искусств*. 2020, 4 (64): 92–96.

- Моретти 2016 — Моретти Ф. Дальнее чтение. Пер. с англ. Кушнарера И. (науч. ред.). М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.
- Нугыбаева 1984 — Нугыбаева Г. *Детская литература Казахстана 1970-80-х годов: развитие, нравственная проблематика, язык*. Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1984.
- Нургали, Нурманова 2023 — Нургали К. Р., Нурманова Ж. К. Детская повесть Б. Сокпакбаева «Меня зовут Кожа»: от книги — до ремейка. *Вестник Евразийского гуманитарного института*. 2023, (1): 236–249.
- Пинский 2002 — Пинский Л. Е. «Гусман де Альфараче» и поэтика плутовского романа. В кн.: Пинский Л. Е. *Ренессанс. Барокко. Просвещение: Статьи. Лекции*. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002. С. 233–280.
- Франк 2019 — Франк С. К. Проект многонациональной советской литературы как нормативный проект мировой литературы (с имперскими импликациями). *Имагология и компаративистика*. 2019, (11): 230–247.
- Хеллман 2016 — Хеллман Б. *Сказка и быль: История русской детской литературы*. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- Чудинова, Колосова 2023 — Чудинова В., Колосова Е. Междисциплинарный подход к изучению детского чтения: социологические, психолого-педагогические и библиотечные исследования. *INFOLIB: Информационно-библиотечный журнал*. 2023, 4 (36): 8–16. <https://doi.org/10.34920/2181-8207/2023/4-088>
- Эспань 2018 — Эспань М. *История цивилизаций как культурный трансфер*. Балакирев М. Е. и др. (пер. с фр.). М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Beauvais, Nikolajeva 2017 — Beauvais C., Nikolajeva M.: Where Have We Come From? Where Are We Heading? In: *The Edinburgh Companion to Children's Literature*. Beauvais C., Nikolajeva M. (eds). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 1–10.
- Carroll 2017 — Carroll J. S. Spatiality in Fantasy for Children. In: *The Edinburgh Companion to Children's Literature*. Beauvais C., Nikolajeva M. (eds). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 55–69.
- The Edinburgh Companion — *The Edinburgh Companion to Children's Literature*. Beauvais C., Nikolajeva M. (eds). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017.
- Giddens 2017 — Giddens E. Distant Reading and Children's Literature. In: *The Edinburgh Companion to Children's Literature*. Beauvais C., Nikolajeva M. (eds). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 305–313.
- Hazard 1967 — Hazard P. *Les livres, les enfants et les hommes*. Paris: Hatier, 1967.
- Jaques 2017 — Jaques Z. Animal Studies. In: *The Edinburgh Companion to Children's Literature*. Beauvais C., Nikolajeva M. (eds). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 42–54.
- Kümmerling-Meibauer 2020 — Kümmerling-Meibauer B. Klassiker der Kinder- und Jugendliteratur. In: *Handbuch Kinder- und Jugendliteratur*. Kurwinkel T., Schmerheim Ph. (eds). Stuttgart: J. B. Metzler, 2020. P. 38–42.
- Kümmerling-Meibauer 2017 — Kümmerling-Meibauer B. Seriality in Children's Literature. In: *The Edinburgh Companion to Children's Literature*. Beauvais C., Nikolajeva M. (eds). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 167–178.
- Kurwinkel, Schmerheim 2020 — *Handbuch Kinder- und Jugendliteratur*. Kurwinkel T., Schmerheim Ph. (eds). Stuttgart: J. B. Metzler, 2020.
- Nikolajeva 1995 — Nikolajeva M. Introduction: Approaches to the History of Children's Literature. Nikolajeva M. (ed.). *Aspects and Issues in the History of Children's Literature. Contributions to the Study of World Literature*, Number 60. Westport, Connecticut; London: Greenwood Press, 1995. P. IX–XI.
- Pattee 2017 — Pattee A. Between Youth and Adulthood: Young Adult and New Adult Literature. *Children's Literature Association Quarterly*. 2017, 42 (2): 218–230.

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2024 г.

Статья рекомендована к печати 14 мая 2024 г.

Kadisha R. Nurgali

L. N. Gumilyov Eurasian National University,
2, ul. Satpayeva, Astana, 010008, Kazakhstan
<https://orcid.org/0000-0002-8178-2782>
nurgalik1@mail.ru

Zhainagul S. Beisenova

L. N. Gumilyov Eurasian National University,
2, ul. Satpayeva, Astana, 010008, Kazakhstan
<https://orcid.org/0000-0001-7022-4956>
zhaina_b@mail.ru

Rabiga R. Nurgali

L. N. Gumilyov Eurasian National University,
2, ul. Satpayeva, Astana, 010008, Kazakhstan
<https://orcid.org/0000-0001-8929-9499>
nurgalir_999@mail.ru

Kazakhstan children's literature in the context of world literature: An experience of 'distant reading'*

For citation: Nurgali K. R., Beisenova Zh. S., Nurgali R. N. Kazakhstan children's literature in the context of world literature: An experience of 'distant reading'. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (3): 741–762. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.313> (In Russian)

The article, based on the methodology of “distant reading” proposed by F. Moretti, presents the first experience of comprehension of Kazakhstani children's literature from the perspective of world literature. The relevance of the problem is connected both with the growing interest in the phenomenon of children's literature, which nowadays includes the areas formerly referred to the “adult” literature (New Young Adult Literature), and with the reconceptualization of the very concept of “world literature” against the background of the emergence of alternative terms, such as Global Literature, and in the context of the later rethinking of the phenomenon of “literature of the peoples of the USSR”. Having distinguished three stages of development of Kazakhstani children's literature, the authors find in each of them a stable set of features as a cultural national “code endowed with its own implicit systematicity” (M. Espagne): firstly, representation in the texts of the features of the national landscape and, especially, fauna, secondly, orientation to the national folklore and, thirdly, bilingualism. The methodology of “distant reading” made it possible to identify at each of the three stages of development of Kazakhstani children's literature the author's names that are most responsible for its attachment to world literature. These names turn out to be for the 19th century: Abai Kunanbaev and Ibrai Altynsarin, for the 20th century: Berdibek Sokpakbaev and Maxim Zverev; for the 21st century: Jan Amanii, Liliya Kalas and Zira Naurzbaeva.

Keywords: Kazakhstani children's literature, world literature, distant reading, cultural transfer.

Referenses

Асаубаева 2000 — Asavbaeva G. B. *Fable Traditions in Kazakh Literature and Translations from I. A. Krylov*. Abstract of the Thesis for PhD in Philological Sciences. Almaty, 2000. (In Russian)

---

* The article was prepared within the framework of the project “Children's literature of Kazakhstan in the context of world literature as the basis of national identity” with the support of a Global Fund grant (AP14870429) for scientific and scientific-technical projects for 2022–2024. Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

- Ахметова 2022 — Akhmetova A. Children's literature in the period of Kazakhstan's independence: a review of the process of development and poetic transformation. In: *Modern literature of the CIS countries. Children's literature. Anthology*. Moscow: Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo Publ., 2022. P. 393–399. (In Russian)
- Бельгер 2007 — Belger G. Two strings of the same dombra. *Druzhba narodov*. 2007, (6): 214–215. (In Russian)
- Байтурсынов 1991 — Baitursynov A. Akzhol: Poems and translations. Proverbs and literary study. Nurgaliev R. (comp.). Almaty: Zhaly, 1991. (In Kazakh)
- Досмухамедов 1998 — Dosmukhamedov H. Kazakh folk literature. In: Dosmukhamedov H. *Selected*. Almaty: Ана тілі, 1998. P. 325–345. (In Russian)
- Жармагамбетов 2016 — Zharmagambetov N. A man of nature. *Baiterek. Obshchestvenno-politicheskii zhurnal*. 2016, (16 август). <https://web.archive.org/web/20160818101953/http://www.baiterek.kz/node/1099> (accessed: 15.04.2024). (In Russian)
- Иванкина 2023 — Ivankina M. V. Why read about animals: toward the emergence of the genre of animal autobiography in eighteenth- and nineteenth-century British literature. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2023, 20 (3): 495–515. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.30> (In Russian)
- Лупанова 1969 — Lupanova I. *Half a Century: Soviet Children's Literature 1917–1967: Essays*. Moscow: Detskaia literatura Publ., 1969. (In Russian)
- Межова, Син 2020 — Mezhoval M. V., Sin E. A. Analyzing the mentality of the main characters of Russian and English fairy tales. *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 2020, 4 (64): 92–96. (In Russian)
- Моретти 2016 — Moretti F. *Distant reading*. Kushnareva I. (sci. ed.). Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ., 2016. (In Russian)
- Нугыбаева 1984 — Nuybaeva G. *Children's literature of Kazakhstan in 1970–80s: development, moral problems, language*. Thesis for PhD in Philological Sciences. Alma-Ata, 1984. (In Russian)
- Нурғали, Нурманова 2023 — Nurgali K. R., Nurmanova Zh. K. B. Sokpakbaev's children's story "My Name is Kozha": from book to remake. *Vestnik Evrazijskogo gumanitarnogo instituta*. 2023, (1): 236–249. (In Russian)
- Пинский 2002 — Pinskiy L. E. "Guzmán de Alfarache" and the poetics of the knave novel. Pinsky L. E. Renaissance. Baroque. Enlightenment: Articles. Lectures "Gusman de Alfarache" i poetika plutovskogo romana. In: Pinskiy L. E. *Renessans. Barokko. Prosveshchenie: Stat'i. Lektsii*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2002, P. 233–280. (In Russian)
- Франк 2019 — Frank S. K. The Project of Multinational Soviet Literature as a Normative Project of World Literature (with Imperial Implications). *Imagologiya i komparativistika*. 2019, (11): 230–247. (In Russian)
- Хеллман 2016 — Hellman B. *Fairy Tale and Fable: A History of Russian Children's Literature*. Moscow: Noye literaturnoe obozrenie Publ., 2016. (In Russian)
- Чудинова, Колосова 2023 — Chudinova V., Kolosova E. Interdisciplinary Approach to the Study of Children's Reading: Sociological, Psychological, Pedagogical and Library Studies. *INFOLIB: Informacionno-bibliotchnyy zhurnal*. 2023, 4 (36): 8–16. <https://doi.org/10.34920/2181-8207/2023/4-088> (In Russian)
- Эспань 2018 — Espagne M. *History of civilizations as cultural transfer*. Balakirev M. E. et al. (transl. from French). Moscow: Noye literaturnoe obozrenie Publ., 2018. (In Russian)
- Beauvais, Nikolajeva 2017 — Beauvais C., Nikolajeva M. Introduction: Where Have We Come From? Where Are We Heading? In: *The Edinburgh Companion to Children's Literature*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 1–12.
- The Edinburgh Companion 2017 — *The Edinburgh Companion to Children's Literature*. Beauvais C., Nikolajeva M. (eds). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017.
- Carroll 2017 — Carroll J. S. Spatiality in Fantasy for Children. In: *The Edinburgh Companion to Children's Literature*. Beauvais C., Nikolajeva M. (eds). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 55–69.
- Giddens 2017 — Giddens E. Distant Reading and Children's Literature. In: *The Edinburgh Companion to Children's Literature*. Beauvais C., Nikolajeva M. (eds). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 305–313.
- Hazard 1967 — Hazard P. *Les livres, les enfants et les hommes*. Paris: Hatier, 1967.

- Jaques 2017 — Jaques Z. Animal Studies. In: *The Edinburgh Companion to Children's Literature*. Beauvais C., Nikolajeva M. (eds). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P.42–54.
- Kümmerling-Meibauer 2020 — Kümmerling-Meibauer B. Klassiker der Kinder- und Jugendliteratur. In: *Handbuch Kinder- und Jugendliteratur*. Kurwinkel T., Schmerheim Ph. (eds). Stuttgart: J.B. Metzler, 2020. P.38–42.
- Kümmerling-Meibauer 2017 — Kümmerling-Meibauer B. Seriality in Children's Literature In: *The Edinburgh Companion to Children's Literature*. Beauvais C., Nikolajeva M. (eds). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P.167–178.
- Kurwinkel, Schmerheim 2020 — *Handbuch Kinder- und Jugendliteratur*. Kurwinkel T., Schmerheim Ph. (eds). Stuttgart: J.B. Metzler, 2020.
- Nikolajeva 1995 — Nikolajeva M. Introduction: Approaches to the History of Children's Literature. Nikolajeva M. (ed.). *Aspects and Issues in the History of Children's Literature. Contributions to the Study of World Literature*, Number 60. Westport, Connecticut; London: Greenwood Press, 1995. P.IX–XI.
- Pattee 2017 — Pattee A. Between Youth and Adulthood: Young Adult and New Adult Literature. *Children's Literature Association Quarterly*. 2017, 42 (2): 218–230.

Received: February 20, 2024

Accepted: May 14, 2024